

УПАВШИЙ ЧЕЛОВЕК

ВОСТОЧНЫЙ КАРМИН

JASPER FFORDE

SHADES OF GREY

THE ROAD TO HIGH SAFFRON

ДЖАСПЕР ФФОРДЕ

Оттенки серого

FAN|ZON

**Москва
2024**

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Ф96

Jasper Fforde
SHADES OF GREY

Copyright ©2009 Jasper Fforde

All rights reserved including
the rights of reproduction in whole or in part in any form

Иллюстрация на обложке *KilinKell*
(*Минакова Кира Сергеевна*)

Ффорде, Джаспер.

Ф96 Оттенки серого / Джаспер Ффорде ; [перевод с английского В. А. Петрова]. — Москва : Эксмо, 2024. — 480 с.

ISBN 978-5-04-168906-3

В мире, где общество основано на иерархии в зависимости от восприятия цвета, Эдди Бурый, «красный», вместе с отцом приезжает в небольшой городок — Восточный Кармин. У него есть тщательно продуманные планы воспользоваться своим экзотическим восприятием красного цвета и жениться на представительнице влиятельной семьи. Но вместо этого Эдди придется бороться с коварными «желтыми» и завести рискованную дружбу с «серой» по имени Джейн, которая покажет Эдди, что тот мир, который он видит, — такая же иллюзия, как и сам цвет.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-168906-3

© Петров В.А, перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке,
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

*Табите в качестве первого приветствия
на пути к обретению бесспорно увлекательного
и часто недооцениваемого опыта,
которое мы называем существованием*

Ни света, ни цвета как таковых в окружающей нас природе не существует. Это простое движение материи. <...> Когда свет проникает вам в глаза и падает на сетчатку, это движение материи. Воздействие на ваши нервы и ваш мозг — это также простое движение материи. <...> При восприятии мозг испытывает ощущения, которые, собственно говоря, являются лишь свойствами мозга.

Альфред Норт Уайтхед

Утро в Гранате

2.4.16.55.021: Во время внутриколлективной поездки мужчины должны быть одеты согласно дресс-коду № 6. Наличие головных уборов приветствуется, но не обязательно.

Началось все с того, что отец не захотел смотреть последнего кролика, а закончилось тем, что меня вот-вот съест хищное растение. Для себя я хотел другого — жениться на девушке из семейства Марена и порулить их веревочной империей. Но то было четыре дня назад, до того, как я встретил Джейн, вернул пропавшего Караваджо и исследовал Верхний Шафран. И вместо наслаждения преимуществами цветового продвижения я погрузился в чавкающую трясиину дерева ятевео¹. До чего обидно.

Но не все так плохо, и вот почему. Первое: я, к счастью, приземлился вниз головой, а значит, буду поглощен всего за минуту. Это намного — намного — лучше, чем если тебя засасывают, все еще живого, в течение недель. Второе и самое важное: мне не придется умирать в неведении. Я открыл нечто такое, что не заменят никакие награды и отличия: правду. Не всю правду, но немалую часть ее. Поэтому чертовски обидно, что все так сложилось. Я ничего не могу сделать с этой правдой. Правда эта слишком велика, слишком

¹ Ятевео — легендарное плотоядное дерево, якобы растущее в Центральной Америке (исп. *ya te veo* — «вижу тебя»). (Прим. перев.)

ужасна, чтобы оставаться скрытой от людей. Но я хотя бы обладал ею целый час и понял, в чем ее смысл.

Вообще-то, меня послали не за этим. Я был отправлен к Внешним пределам, чтобы провести перепись стульев и научиться смирению. Но правда неумолимо нашла меня, как и полагается большой правде, — как находит мозг потерявшаяся мысль. Еще я нашел Джейн, или она меня — неважно. Мы нашли друг друга. И хотя она была серой, а я красным, мы оба жаждали справедливости, которой не давала цветовая политика. Я полюбил ее, больше того — начал думать, что и она меня любит. В конце концов, она сказала «прости» перед тем, как толкнуть меня, после чего я упал на голую землю прямо под кроной ятевео. Значит, что-то она ко мне чувствует.

Итак, четыре дня назад я шел по Гранату, транспортному узлу Западного Красного сектора. Мы с отцом прибыли в город за день до того и остановились в «Зеленом драконе». Прислушав утреннее песнопение, мы сели позавтракать, слегка раздосадованные, но не удивленные тем, что ранние пташки из числа серых уже уничтожили весь бекон, оставив нам лишь соблазнительный запах. До поезда оставалось несколько часов, и мы решили пройтись по городу.

— Не посмотреть ли последнего кролика? — предложил я. — Говорят, это главная достопримечательность.

Но уникальный кролик не слишком заинтересовал отца — по его словам, до поезда нам надо было посмотреть плохо нарисованную карту, Мемориал Оза, цветной сад и уж потом — кролика. Кроме того, в музее Граната хранится лучшее в Коллективе собрание бутылок из-под «Вимто»¹, а по понедельникам и вторникам там даже показывают граммофон!

— Сорок второй клип на песню «Something Got Me Started»², — сказал он, словно что-то, хоть отдаленно связан-

¹ «Вимто» — прохладительный напиток пурпурно-красного цвета. (Прим. перев.)

² «Что-то заставило меня встрепенуться» — песня группы Simply Red («Просто красный»). (Прим. перев.)

ное с красным, могло переубедить меня. Но я не собирался сдаваться так легко.

— Кролик уже совсем старый, — настаивал я, вспоминая инструкции по безопасности из буклета «Правильное общение с кроликом», — а гладить его уже необязательно.

— Дело не в этом, — пожал плечами отец, — дело в ушах. Я вполне могу обойтись, — заключил он безапелляционно, — и прекрасно обойдусь без кролика.

Это было правдой. Я тоже вполне мог обойтись без кролика. Но я обещал своему лучшему другу Фентону и еще пяти приятелям, что я запишу для них таксономический номер одинокого кролика и они смогут занести его в свои книги наблюдения за животными как «опосредованно виденного». Я даже взял с них за это по четверти доллара — деньги пошли на лакричные конфеты для Констанс и на синтетические красные шнурки для меня.

Мы с отцом препирались еще какое-то время, и в конце концов он согласился обойти все городские достопримечательности — по кругу, чтобы не сильно изнашивать ботинки. Кролик стоял в списке последним, за цветным садом.

Согласившись по крайней мере включить кролика в наш маршрут, папа вернулся к своим тостам, чаю и газете «Спектр». Я же принялся лениво оглядывать убогую столовую в поисках источника вдохновения, так как собирался писать открытку. «Зеленый дракон» построили еще до Явления. Как и многие постройки в Коллективе, он видел массу разнообразных событий, и каждое оставляло на нем свой след. Краска на стенах порядком облупилась, лепнина рассохлась и стала рассыпаться, клеенка на столах протерлась до основы, а ножи были согнуты, поломаны или утащены. Однако запах горячих тостов, кофе и бекона, приветливая обслуга и шумная болтовня приезжих, завязывавших мимолетные знакомства, придавали заведению особый шарм, так что с ним не могло сравниться ни одно приличное кафе у нас в Нефрите. Я обратил внимание, что в общем пространстве любой мог занять какое угодно место, но посетители бессознательно рассаживались по цветам. Одному фиолетовому

предоставили целый стол в его распоряжение, а у дверей жались несколько серых в ожидании свободного стола, хотя рядом с фиолетовым были свободные места.

Мы сели рядом с парочкой зеленых — пожилыми мужем и женой. Они были достаточно богаты, чтобы позволить себе искусственно выкрашенную зеленую одежду, видную для всех, — такая гордая, безвкусная и дорогостоящая демонстрация привязанности к своему цвету. Эти двое явно продали свою квоту на детей ради таких одеяний. Наша с отцом одежда была общепринятой раскраски, видной лишь другим красным. Сидящие напротив зеленые видели только красные кружки, отличающие нас от серых, — впрочем, эта пара встретила нас с не меньшим пренебрежением. Говорят, красный и зеленый цвета взаимно дополняют друг друга; но нас с зелеными объединяет только неприязнь к желтым.

— Эй ты. — Зеленая бесцеремонно показала на меня ложкой. — Передай мне джем.

Я послушно исполнил приказание. Ее начальственный тон был вполне объясним: мы стоим тремя ступенями ниже зеленых на хроматической шкале и обязаны им подчиняться. Но, несмотря на это, мы первенствуем в старинной цветовой схеме «красный — желтый — синий». Красные неизменно входят в состав сельских советов, что не разрешено зеленым из-за их неполноценного статуса: зеленый — смесь желтого с синим, не более того. Это дико их бесит. Вот скромным оранжевым — тем все равно, они принимают свою судьбу добродушно, даже с юмором. А зеленые так и не могут отделаться от чувства, что к ним относятся несерьезно. Все очень просто: ведь их цвет — это цвет растительности, и они полагают, что их роль в Коллективе должна соответствовать доле зеленого цвета в природе. Только синие могли бы соперничать с ними в количественном плане, так как за ними — небо, но чистое небо видишь не всегда, и если оно покрыто тучами, понимаешь, до чего безосновательны претензии синих.

Но зеленая дама отдала мне приказание не только из-за моего цвета — под моим красным кружком виднелся значок «Ищу смирения». После стычки с сыном верховного префекта

мне велели носить его в течение недели. Возможно, зеленая не пожелала заметить другой мой значок — «1000 баллов», очень престижный. А может, ей просто захотелось джема.

Я взял джем в буфете, с почтительным кивком подал его зеленой и вернулся к своей открытке. На ней был изображен старый каменный мост в Гранате; легкая синева неба стояла лишних пяти цент-баллов. За десять цент-баллов я получил бы открытку с зеленой травой, но моя будущая невеста Констанс Марена, которой и предназначалась открытка, называла пестроту вульгарной. Ее родичи — старая цветовая аристократия — придерживались вчерашних взглядов на цвет, везде предпочитая приглушенные тона, хотя и могли выкрасить свой дом в самые яркие оттенки. Впрочем, для них много что было вульгарным, в том числе и род Бурых — *выскочки, pouveau couleur*, с их точки зрения. Поэтому я был лишь «будущим женихом». Отец договорился об этом «полуобещании», то есть Констанс имела на меня преимущественное право. Я едва не получил такого же права — все сорвалось в последний момент. Но так или иначе сделка была выгодной — хотя мое семейство отделяло от серых всего три поколения, меня считали в достаточной мере старокрасным. А потому к нашей полупомолвке не следовало относиться несерьезно.

— Пишешь Рыбьей Морде? — с улыбкой спросил отец. — Вряд ли она забыла тебя так скоро.

— Да, — согласился я. — Но все же, несмотря на имя¹, верностью она не отличается.

— А-а. Роджер Каштан уже вьется вокруг нее?

— Как муха вокруг тарелки с медом. Не называй ее Рыбьей Мордой, пожалуйста.

— Масла, — велела зеленая, — и пошевеливайся на этот раз.

Мы закончили завтракать, наскоро упаковали вещи и спустились к стойке. Отец стал объяснять носильщику, что наши чемоданы нужно отнести на вокзал.

¹ Constance (фр.) — «верная». (Прим. перев.)

— Чудесный день, — заметил, пока мы оплачивали счет, мужчина за стойкой — худощавый, с прекрасно вылепленным носом и одним ухом.

Потеря уха была обычным делом — они отрывались с пугающей легкостью. Необычным было то, что этот человек не позаботился вернуть ухо на место, хотя что тут сложного? Еще любопытная деталь: он носил свой синий кружок высоко на лацкане пиджака — этот негласный, но широко распространенный условный знак намекал, что за особую плату его носитель улаживал разные вопросы. И действительно, накануне вечером нам на обед подали раков, а он не отметил это в рационной книге. Это стоило нам половины балла, завернутого в салфетку и незаметно переданного по назначению.

— Каждый день чудесен, — приветливо откликнулся отец.

— Точно, — весело подтвердил тот.

Мы обменялись дежурными фразами: насчет отеля, что он чист и умеренно комфортен, и насчет нас, что мы не роняем репутации заведения, умеем вести себя за столом и не горланить в общественных местах. После этого служащий отеля спросил:

— Далеко собрались?

— В Восточный Кармин.

Поведение синего внезапно изменилось: он странно поглядел на нас, вернул наши книжки с баллами, пожелал приятного и спокойного времяпрепровождения — и тут же повернулся к другому клиенту. Мы вручили чаевые носильщику, еще раз проверили время отхода поезда и направились к первому из пунктов нашего маршрута.

— Гм, — хмыкнул отец, глядя на плохо нарисованную карту, после того, как мы отдали десять цент-баллов и очутились внутри ветхого, но чистенького домика. — Ничего не понимаю.

Плохо нарисованная карта, возможно, не волновала воображение, но полностью оправдывала свое наименование.

— Может, потому, что она пережила Дефактирование? — предположил я.

Карта была не только загадочной, но и невероятно редкой. Кроме геохромотической карты Прежнего мира, в настольной игре фирмы «Паркер» то была единственная карта, составленная до Явления. Однако древность экспоната не сделала его интересным. Мы какое-то время пялились на выцветшую бумагу, надеясь, что наше понимание, пусть и неправильное, перейдет на более высокий уровень. И потом, жалко было заплаченных денег.

— Чем дольше и пристальнее мы на нее глядим, тем больше получаем за ту же плату, — объяснил отец.

Я захотел было спросить у него, сколько нужно смотреть, чтобы нам еще остались должны, но не стал. Наконец он убрал свой путеводитель, и мы снова оказались под теплыми лучами солнца, чувствуя, что нас попросту обобрали на десять цент-баллов. Однако мы написали благодарственный отзыв: экспонат оказался посредственным, но музейщики-то были ни при чем.

— Папа...

— Да?

— Почему тот человек в отеле так странно повел себя, услышав про Восточный Кармин?

— Жизнь во Внешних пределах, как считают, отличается асоциальной динамикой, — ответил он, немного подумав, — и некоторые полагают, что обилие событий может породить прогрессистские настроения, а это поставит под угрозу Стабильность.

То была дипломатичная, но очень мудрая и провидческая реплика. Я не раз возвращался к ней мыслями в последующие дни.

— Хорошо, но что думаешь ты? — настаивал я.

Отец улыбнулся:

— Я думаю, что нам надо осмотреть Мемориал Оза. Даже если он уныл, как магнолия, то все равно это в тысячу раз занятней плохо нарисованной карты.

Мы зашагали к музею по шумным улицам Граната, с их теснотой, суетой и нечистотой, изнемогая от жары. Вокруг было множество людей, готовых удовлетворить ваши каждо-

дневные нужды: сутенеры, продавцы воды и пирожков, рассказчики историй, умельцы, определяющие вес на глазок. В лавках по обе стороны улицы шла коммерция посерьезнее: их занимали сапожники, портные, продавцы всякой утвари, вычислители, готовые мигом что-нибудь умножить или разделить. Можно было зайти к модератору или крючкотвору и тут же получить консультацию, что означает то или иное правило и как его обойти. В одной лавке продавали исключительно парящие предметы, а другая специализировалась на посткодовой генеалогии. По пути нам попадалось необычно много желтых — возможно, они следили за нелегальным цветовым обменом, торговлей семенами и ношением колющих и режущих предметов.

Гранат, хоть и назывался региональным транспортным узлом, был расположен на задворках цивилизованного мира. Далее к востоку лежали только Красные Горы и редкие поселения-аванпосты вроде Восточного Кармина. На необитаемых диких землях водились мегазвери, встречались заброшенные городки неопределенного цвета и, вероятно, орудовали туземные банды. Все это возбуждало и тревожило одновременно. Двумя неделями раньше я вообще не знал о существовании Восточного Кармина и уж точно не думал, что меня пошлют туда на месяц подвергаться корректировке смирением. Мои друзья были в ужасе, возмущенные — кто слегка, а кто и посильнее — таким обращением со мной. Они обещали, что когда возьмутся за карандаш, то непременно составят воззвание к властям.

— Границы — это место для слабовольных, слабочелюстных и слабоцветных, — заметил Флойд Розоватый, к которому, по правде говоря, все эти три определения подходили идеально.

— Будь осторожен, там полно лузеров, нарушителей, оналистов и сексуально озабоченных, — добавил Тарквин.

Судя по его происхождению, он тоже чувствовал бы себя там как дома.

Потом они сообщили, что это безумие — хоть на секунду высываться за ограду города и что во Внешних пределах

я за неделю опущусь — буду сутулиться, есть руками и опущу волосы до плеч. Я уже подумывал откупиться от наказания, заняв денег у моей дважды вдовой тетушки Берил, но Констанс полагала иначе.

— Что тебе нужно там делать? — спросила она, когда я назвал цель моей поездки в Восточный Кармин.

— Участвовать в переписи стульев, моя куколка, — объяснил я. — Главная контора опасается, что количество стульев упадет ниже значения одной целой восьми десятых на человека.

— Какой ужас. А оттоманка считается стулом или все же очень толстой подушкой?

Она хотела сказать этим, что поездка будет с моей стороны решительным и мужественным поступком, и я поменял свое намерение. Поскольку я собирался войти в семью Марена и, возможно, в будущем стать префектом, далекое путешествие и участие в переписи помогли бы мне расширить взгляд на мир. Месячное пребывание во Внешних пределах было с этой точки зрения отличным вариантом.

Мемориал Оза превосходил плохо нарисованную карту хотя бы тем, что был трехмерным. То было бронзовое изваяние футов в шесть высотой и четыре шириной, изображавшее причудливых животных. Судя по музейному буклету, в ходе Дефактирования его распилили на части и бросили в реку, так что из пяти зверюшек теперь было только две: свинья в одежде и с кнутом — она сохранилась получше, — а также пузатый медведь в галстук. От третьей и четвертой фигур не осталось почти ничего, а от пятой — только нижние части лап, похожие на когти: ни у кого из современных животных такого не было.

— Глаза слишком велики для свиньи и похожи на человеческие, — изрек отец, подходя ближе. — А медведей в галстуках я и вовсе никогда не видел.

— Чрезмерный антропоморфизм, — сообщил я более-менее установленный факт.

У Прержних имелось много необъяснимых обычаев, и в первую очередь — смешивание действительности с вымыслом: